

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДМУНД
КРИСПИН

ЛЮБОВЬ
ПОКОЙТСЯ В КРОВИ

Эдмунд Криспин
Любовь покоится в крови
Серия «Золотой век
английского детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28516778

*Любовь покоится в крови : [роман] / Эдмунд Криспин: АСТ; Москва;
2019*

ISBN 978-5-17-116952-7

Аннотация

В уважаемой частной школе для мальчиков совершено двойное убийство: кто-то застрелил молодого учителя Сомерса и протежировавшего его Лава. Полиция в недоумении, особенно когда выясняется, что на следующий день в соседней деревушке убита пожилая вдова миссис Блай. Профессор Фен, помогающий полиции вести расследование, подозревает, что все эти три убийства тесно связаны, более того, причины случившегося следует искать в старинных бумагах, которые миссис Блай нашла в своем доме во время ремонта...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	47
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эдмунд Криспин
Любовь покоится в крови

Посвящается клубу «Карт»

Глава 1

Lasciva Puella¹

Директор школы вздохнул. Вздох получился удрученным и даже жалким, но сдержаться ему не удалось. Он извинился.

– Жара... – Директор вяло махнул рукой в сторону окна, за которым под ярким солнцем раскинулась просторная лужайка. – Все из-за жары.

Это объяснение вполне могло сойти за правду. В самом деле, день выдался знойным, почти тропическим, и в темном кабинете с высокими потолками, где тяжелые шторы были наполовину опущены, чтобы избежать выгорания дерева и тканей, стояла тягостная духота. Но голос директора прозвучал неубедительно, и его посетительница поняла, что это отговорка.

– Простите, что отнимаю у вас время, – затараторила она. – Разумеется, вы должны быть очень заняты подготовкой к актовому дню. К сожалению, у меня нет выбора. Родители настоятельно требуют провести расследование.

Директор мрачно кивнул. Это был невысокий щуплый мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый, с острым носом, гладко прилизанными черными волосами и обманчивым выражением рассеянности и добродушия на лице.

¹ Соблазнительная малышка (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.

– Ну да, родители, – пробормотал он. – Разумеется. Вечно их пустые тревоги, на которые приходится тратить столько времени...

– В данном случае, – возразила посетительница, не желая уходить от темы разговора, – кое-что действительно произошло.

Директор уныло взглянул на нее из-за стола. Безудержная энергия мисс Пэрри действовала на него угнетающе. Его немного пугали все эти самоуверенные, прямолинейные и неутомимые женщины средних лет, с одинаковым успехом проявлявшие себя в организации благотворительных ярмарок, посещениях бедных и больных, разбивке приусадебных садов или обучении прислуги. По каким-то причинам, в которые он не вдавался, мисс Пэрри сошла с этой орбиты, но вокруг нее продолжала царить атмосфера кипучей деятельности; и директор не сомневался, что ее высокая должность в Кэстривенфордской школе для девочек скорее укрепила, чем развеяла этот дух. Он стал набивать свою трубку.

– Неужели? – уклончиво произнес он.

– Информация, доктор Стэнфорд. Мне нужна информация.

– Вот как? – Директор вытащил из трубки табачный стебелек и снова кивнул, на сей раз твердо и уверенно. – Позвольте, я закурю?

– Я и сама не откажусь.

Мисс Пэрри вежливо, но решительно отклонила предло-

женные ей сигареты и достала из сумочки портсигар.

– Предпочитаю американские сорта, – объяснила она. – В них меньше химии.

Директор чиркнул спичкой и поднес огонь к сигарете.

– Наверное, будет лучше, – заметил он, – если для начала вы изложите мне все обстоятельства дела.

Мисс Пэрри выпустила длинную струю дыма с таким видом, будто это был сильный яд, от которого она хотела скорее избавиться.

– Полагаю, вы догадываетесь, – сказала она, – речь пойдет о постановке пьесы.

Услышав ее слова, директор решил, что, возможно, все не так плохо, как он думал. На протяжении многих лет Кэстривенфордская школа для девочек и Кэстривенфордская школа для мальчиков совместно разыгрывали пьесу для актового дня. Эта старая традиция создавала для обоих учреждений множество проблем, смягчавшихся отчасти тем, что все они были хорошо известны и легко предсказуемы. Главным образом проблема сводилась к тому, что ученики и ученицы норовили украдкой обниматься за кулисами, и для подобных случаев у руководства были предусмотрены соответствующие меры, отработанные почти до автоматизма.

Директор немного повеселел:

– Значит, эта девочка играет в пьесе? В последнее время я почти не следил за постановкой. Кажется, будут давать «Генриха V»?

– Да. Не самый лучший выбор, как считают мои девочки. Мало женских ролей.

– Уверен, мальчики расстроены не меньше.

Мисс Пэрри рассмеялась, но тут же замолчала, словно давая понять, что никакие шутки – как бы они ни были полезны для беседы, – не должны отвлекать их от серьезной темы.

– В общем, сплошное разочарование, – отозвалась она. – Девочка, о которой я говорю, играет роль Екатерины. Ее зовут Брэнда Бойс.

Директор сдвинул брови и поднес вторую спичку к своей трубке.

– Бойсы? Кажется, они из местных? Пару лет назад к нам поступил мальчик с такой фамилией. Насколько я помню он из светской семьи.

– Скорее всего, это ее брат. Слово «светский» характеризует их семью. Богатые родители, вечеринки с коктейлями...

– Да, я их помню. – Директор аккуратно положил использованную спичку в серебряную пепельницу в форме слона. – Приятные люди... Впрочем, это не имеет отношения к делу.

– Почему же, родители как раз имеют. – Мисс Пэрри откинулась в кресле и решительно скрестила крепкие ноги. – Дело в том, что их искушенность в современной жизни позволяет, так сказать, исключить некоторые варианты. Брэнда, как легко догадаться, довольно бойкая девица, – кстати, ей уже шестнадцать, и это ее выпускной класс, – причем миленькая. Вряд ли ее могут смутить какие-либо проявления...

юношеского эротизма. – И мисс Пэрри взглянула на собеседника с подчеркнутой серьезностью.

– Продолжайте, – попросил директор.

Он знал, что мисс Пэрри не нуждается в подбадривании, но вежливость требовала заполнить образовавшуюся паузу.

– Как вы уже знаете, – произнесла мисс Пэрри, – вчера вечером состоялась репетиция «Генриха V». Когда в половине десятого Брэнда вернулась домой, ее поведение, по словам родителей, было необычным.

– То есть?

– Взвинченным. Нервным. Испуганным.

Было слышно, как секретарша в соседней комнатке печатает на машинке, а на окне сонно жужжат мухи.

– Разумеется, – продолжила мисс Пэрри, – родители спросили у нее, что произошло. Но Брэнда ничего не ответила – как и мне, когда я беседовала с ней сегодня утром.

– Родители вам позвонили?

– Да. Они обеспокоены – а это плохой признак, доктор Стэнфорд. Какую бы жизнь ни вели эти люди, они не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков.

– Что сказала вам девушка?

– Уверяла, будто родители все придумали и говорить не о чем. Но я заметила, что ей по-прежнему не по себе, и убедилась, что она лжет. Иначе я не стала бы вас беспокоить.

Директор задумался, машинально обводя взглядом знакомую обстановку комнаты: густо-синий обюссонский ковер,

репродукции Констебля и Коро на стенах, мягкие кожаные кресла и просторный стол, за которым он сидел. Помолчав немного, он промолвил:

– Вы правы, семья в данном случае важна. Значит, вы считаете, что если кто-то стал приставать к этой юной леди...

Он запнулся, и мисс Пэрри закончила за него:

– Это бы ее несколько не смутило. Боюсь, наоборот, скорее понравилось бы.

– Вот как? – Директор пытался осмыслить этот пример женской эмансипации. – То есть вы полагаете, что произошло нечто более серьезное?

Мисс Пэрри кивнула:

– Похоже, что так.

Директор посмотрел на нее с сомнением. Они уже и раньше обсуждали темы секса, но всегда неопределенно и в общих чертах, а теперь требовалась грубая прямолинейность.

– Совращение? – предположил он.

– Да, я уже об этом думала, – кивнула она, но тут же сделала нетерпеливый жест. – Хотя мне кажется, дело не в этом. Вы позволите говорить откровенно?

– Естественно.

Мисс Пэрри улыбнулась нервной и натянутой улыбкой, не вязавшейся с ее обычной прямоотой, и для директора это стало своего рода откровением. Он вдруг осознал, что прежде она избегала скользкой темы не из ханжества или напускной жеманности, а из-за строгих представлений о приличиях, ко-

торые теперь ей приходилось нарушать. Это вызвало в нем уважение и симпатию, и он улыбнулся.

– Есть две возможности, – продолжила мисс Пэрри. – Изнасилование, которому она не могла помешать; или соращение, о котором она позднее пожалела. Понимаю, что говорить в таком тоне о шестнадцатилетней девушке не совсем корректно, но... боюсь, у нас нет выхода. Если допустить изнасилование, мне трудно представить, чтобы кто-нибудь из ваших мальчиков...

– Вы правы, – кивнул директор. – Я не знаю ни одного, кто осмелился бы на подобный поступок.

– Что касается соращения, то, во-первых, Брэнда – неглупая и вполне самостоятельная девочка, которая может позаботиться о себе. А во-вторых...

– Да?

– Сегодня утром я прямо спросила, не случилось ли с ней что-нибудь такого. Ее единственной реакцией было удивление – по-моему, искреннее.

– Рад слышать. – Директор вынул из нагрудного кармана носовой платок и вытер взмокший лоб. – В таком случае я не понимаю, что могло так расстроить девушку и почему она не хочет об этом говорить?

Мисс Пэрри пожала плечами.

– Я тоже. Ясно, что секс тут ни при чем, а строить какие-то другие версии можно лишь на конкретных фактах.

– Так чем я могу вам помочь?

– Единственное, чего я хочу, – удостовериться, что во время репетиции или непосредственно перед ней не случилось ничего необычного.

– Что ж, это не так уж трудно. Я поговорю с Матисоном, постановщиком пьесы... и если хотите, мы сделаем это прямо сейчас. Он должен находиться в преподавательской, я могу его вызвать.

– Срочность ни к чему. – Мисс Пэрри встала и погасила сигарету. – Вероятно, вся эта история – легкое недоразумение. Если вы позвоните мне позднее...

– Разумеется. – Директор тоже поднялся и указал на статуэтку Афродиты, стоявшую на столике из розового дерева. – Я очень рад, – добавил он, – что эта дама тут ни при чем. Обычно, когда у нас возникают проблемы с постановкой пьесы, можно с уверенностью сказать, что они связаны именно с ней.

Мисс Пэрри улыбнулась:

– Платоновские половинки...

– Платоновские половинки следует держать подальше друг от друга, пока они не закончат школу. В конце концов, принудительное воздержание только обостряет чувства. – Он спохватился, вспомнив про долг гостеприимства: – Хотите остаться на обед?

– Нет, спасибо. Я должна вернуться до окончания утренних занятий.

– Жаль. Но вы придете... завтра на церемонию?

– Конечно. Кто будет вручать награды?

– Мы ждали лорда Уошбертона, – ответил директор, – но в последний момент он заболел, и мне пришлось заменить его одним своим знакомым, профессором английского из Оксфорда. Интересный человек – честно говоря, я боюсь, что даже слишком интересный. Сомневаюсь, что он впишется в рамки того светского лицемерия, которое требуется в подобных случаях.

– Я останусь послушать речи. Вы знаете, что обычно я избегаю их.

– Хотел бы я сказать то же самое о себе, – вздохнул директор. – Не только в этом случае, но и вообще... Хотя все эти мелкие неприятности оправдывают мои три тысячи фунтов в год.

Он проводил мисс Пэрри и вернулся к своей корреспонденции, разложенной на столе. Миссис Бродриб подробно рассказывала о результатах экзаменов в Школе Генри – предмет, о котором сам директор имел довольно смутные представления. Сообщалось, что в ближайшие две недели состоится съезд школьных директоров. Кто-то предлагал учредить премию за лучшее эссе года на тему «Будущее Британской империи»... Директор застонал. Премий у них и так хватало. Учащиеся тратили уйму времени на то, чтобы выиграть конкурсы, а преподаватели – чтобы их организовать. Увы, за этим предложением стоял солидный спонсор, и с его мнением необходимо было считаться. Оставалось надеяться,

что, проявив должный такт, ему удастся уговорить щедрого благотворителя самому читать все эти эссе и самому же награждать.

Директор бегло просмотрел оставшиеся письма и отложил их в сторону. История про *lasciva puella* вызвала в нем любопытство, и он решил, что поскольку ему все равно придется заниматься этим делом, незачем откладывать его в долгий ящик. Директор подошел к металлическому шкафчику с картотекой и просмотрел его содержимое: судя по документам, в настоящий момент Матисон преподавал английский в пятом классе. Директор взял свою мантию и шапочку и, сунув их под мышку, направился к двери.

Глава 2

Свидание как улика

– «Я теперь, – продекламировал Симблфилд, робкий прыщеватый коротышка, строки Вордсворта, – не так природу вижу, как порой бездумной юности, но часто слышу чуть слышную мелодию людскую, печальную, без грубости, но в силах смирать и подчинять»².

Ученик замолчал, и на его непривлекательной физиономии появилось выражение удовлетворения. По мнению Симблфилда, высший класс в изучении поэзии заключался в том, чтобы суметь процитировать выбранный отрывок, не пропустив ни единого слова; и этой цели он добился. Правда, у него возникли подозрения, что за пределами этой нехитрой задачи существуют еще какие-то тонкости, связанные с интерпретацией прочитанных строк, но, упоенный своим успехом, он не обратил на них внимания.

В тишине, наступившей после его унылого речитатива, стало слышно, как в соседней комнате мистер Харгрейв, самый строгий из учителей школы, обрушивает на своих подопечных безжалостную латынь. Симблфилд выжидающе уставился на мистера Матисона, который молча сидел на стуле, сложив руки на коленях, и смотрел в окно. Поскольку

² Перевод В. Рогова.

Симблфилд был исключительно глупым и наивным юношей, то решил, будто мистер Матисон не находит слов, чтобы оценить его замечательное выступление. Однако его предположение было ошибочным. Мистер Матисон просто задремал и не слышал, что Симблфилд закончил декламацию. Это был грузный мужчина средних лет, неопрятный и неуклюжий, в мешковатых серых брюках и старом пиджаке с кожаными вставками на локтях.

Поднявшееся вокруг шушуканье заставило его очнуться от грез и вернуться к суровой реальности урока. Классная комната представляла собой просторное помещение с высокими стенами, нижняя часть которых была щедро разрисована чернилами. Учительский стол, старомодный и монументальный, возвышался на постаменте возле выщербленной доски. На стенах висели тусклые и расплывчатые картины с пасторальными и классическими сюжетами. Все покрывал толстый слой меловой пыли. Десятка два учеников, сидевших за расшатанными столиками, старались воспользоваться короткой передышкой, убивая время самыми бессмысленными способами.

Матисон заметил, что Симблфилд больше не двигает языком, а смотрит на него с самодовольным видом.

– Симблфилд, – произнес Матисон, – вы хоть поняли, о чем это стихотворение?

– Сэр... – в замешательстве пробормотал ученик.

– Как мы относимся к природе «порой бездумной юно-

сти», Симблфилд? Мне кажется, вы как раз тот самый человек, кто может ответить на данный вопрос.

В классе раздалась смешки.

– Тупица Симблфилд, – шепнул кто-то.

– Итак, Симблфилд? Я жду ответа.

– Простите, сэр, я не знаю, сэр...

– Но вы должны это знать. Подумайте, мой юный друг. Вы не слишком обращаете внимание на природу, верно?

– О, да, сэр.

– Вы вообще ее не замечаете. Для вас она не более чем фон, обрамляющий вашу собственную личность.

– Да, да, я понимаю, сэр, – поспешил согласиться Симблфилд.

– Боюсь, что нет. Хотя кто-то в этом классе, возможно, понимает.

Ученики сразу оживились. Послышались возгласы: «Я понимаю, сэр!» «Только такие олухи, как Симблфилд, могут этого не понять». «Это как, например, вы идете на прогулку, но не замечаете деревьев». «Сэр, а зачем нам нужно читать Вордсворта?»

– Тихо! – грозно воскликнул мистер Матисон. Ученики замолчали. – Короче говоря, именно так Вордсворт отказывается воспринимать природу.

– Вордсворт – старый козел, – раздался шепоток.

Мистер Матисон, нахмутив брови, мрачно окинул взглядом комнату, но, решив, что не следует обращать внимания

на наглеца, продолжил:

– Иными словами, для Вордсворта природа – нечто большее, чем просто фон.

– Сэр!

– Да?

– А правда, что Вордсворту чуть не отрубили голову во время Французской революции?

– Нет, он побывал во Франции уже после революции. Так вот, как я сказал...

– Сэр, почему во Франции отрубают голову, а в Англии – вешают?

– А в Америке – сажают на электрический стул?

– А в России – расстреливают?

Ученики дружно загалдели. «В России не расстреливают, болван, а рубят голову топором!» «Сэр, это правда, что когда человека вешают, у него после смерти еще долго бьется сердце?» «Ну, ты и осел, Бэгшоу». «Что за чепуха: как человек может быть мертв, если у него бьется сердце?»

Матисон ударил кулаком по столу:

– Еще одно слово, и я сообщу о вашем поведении заведующему пансионом!

В классе мгновенно воцарилась тишина – это было безотказное средство, когда следовало установить порядок. В Кэстривенфорде попасть на заметку заведующему пансионом считалось серьезным проступком.

– Превосходно, – произнес мистер Матисон, – а теперь

вернемся к нашей теме. Симблфилд, что, по-вашему, имел в виду Вордсворт, говоря про «мелодию людскую, печальную, без грубости»?

– О, сэръ... – Это испытание было явно непосильно для его скромного ума. – Я думаю, он имел в виду... если мы возьмем, например, гору, или птицу, или что-нибудь такое...

К счастью для Симблфилда, пытавшегося сказать хоть что-то вразумительное при полном молчании остального класса, продолжать ему не пришлось: именно в этот момент в комнату вошел директор. Ученики торопливо вскочили с места, загремев стульями и хлопнув крышками столов. Директор редко появлялся в классе во время урока, и они терялись в догадках, какое из их недавних прегрешений могло послужить причиной столь неожиданного визита.

– Садитесь, джентльмены, – благожелательно промолвил директор. – Мистер Матисон, можете уделить мне пару минут?

– Конечно, господин директор, – ответил тот и повернулся к ученикам: – Продолжайте читать, пока я не вернусь.

Они вышли в коридор. Это было пустое и гулкое помещение с неровным полом, к тому же довольно плохо освещенное. Изначально учебный корпус строился для других целей, и когда-то в нем располагалась психиатрическая лечебница – факт, на котором не одно поколение учеников оттачивало остроумие. Зато по сравнению с классными комнатами в нем царила приятная прохлада.

– «Aequam memento rebus in arduis servare mentem»³, – бубнил мистер Харгрэйв в соседней комнате, – вовсе не означает «Не забывай держать месячный запас воды для сухих дорог», и только такой болван как вы, Хьюит, мог предположить, будто Гораций сочинил столь идиотский стих.

– Как прошла вчерашняя репетиция, Матисон? – спросил директор.

– Неплохо, господин директор. Думаю, у нас получится хороший спектакль.

– Никаких недоразумений и проблем?

– Нет. Вроде все в порядке.

– Ясно.

Директор помолчал, прислушиваясь к тому, что происходило в классе: шум голосов там то накатывал как волна, достигая полного крещендо, то вдруг обрывался после чье-то испуганного окрика, призывавшего к тишине. Он прижал указательный палец к нижней губе.

– Та девочка, которая исполняет роль Екатерины, – произнес он. – Что вы о ней думаете?

– Хорошая актриса, – ответил Матисон.

– Я не в этом смысле. Что вы думаете о ней?

Преподаватель замялся:

– Честно говоря, господин директор, мне она кажется весьма привлекательной особой.

³ Старайся сохранить присутствие духа и в затруднительных обстоятельствах (лат.). – Гораций. Оды. II, 3.

– Что ж, спасибо за откровенность. Дело в том, что вчера вечером она вернулась домой крайне взволнованной, и мы не можем понять, что с ней произошло.

– Во время репетиции она выглядела спокойной, – заметил Матисон. – Разве что очень жизнерадостной.

– Прекрасно. Рад это слышать. В какой-то степени это снимает с нас ответственность... А вы не в курсе, есть ли у нее... отношения с кем-нибудь из мальчиков?

– Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что с Уильямсом.

– С Уильямсом? Каким? У нас полно Уильямсов.

– С Дж. Х. Уильямсом, господин директор. Из старшего класса. Он играет Генриха.

– Ах, да, конечно. Пожалуй, мне надо с ним побеседовать. Кстати, генеральная репетиция состоится сегодня вечером?

– Да, сэр.

– Я постараюсь прийти, – пообещал директор, – если смогу выкроить время.

Попрощавшись с начальством, Матисон вернулся обратно в класс, чтобы вдалбливать метафизические рассуждения Вордсворта в пустые головы своих учеников, а директор нанес визит школьному привратнику и попросил направить к нему в кабинет Дж. Х. Уильямса, как только тот закончит утренние занятия.

Войдя в старший класс за десять минут до окончания

последнего урока, Уэллс, школьный привратник, услышал, что мистер Этеридж объясняет своим подопечным основы демонологии и черной магии. Уэллса это не удивило. Мистер Этеридж был одним из тех старых оригиналов, которые часто встречаются в престижных школах Великобритании и живут в них достаточно долго, чтобы со временем получить негласное право преподавать все, что заблагорассудится. Мистер Этеридж питал склонность ко всему необыкновенному и эзотерическому: в числе его последних увлечений были йога, монах Ноткер Заика, затонувшая Атлантида, творчество одного малоизвестного поэта восемнадцатого века Сэмюэла Смитерсона и художественные достоинства американского блюза. Не было такого ученика, кто ушел бы из его класса без основательных, но абсолютно никчемных знаний о каком-нибудь темном и запутанном предмете, который интересовал мистера Этериджа в данный момент.

Рамки общепринятых стандартов всегда тесны для подобных педагогов, но в данном случае они откровенно и грубо попирались. Разгадка заключалась в том, что все крупные школы нуждаются в «адвокате дьявола», и мистер Этеридж как раз являлся одним из них. Его абсолютно не интересовала общественная жизнь. Он никогда не посещал съезды или конференции. Его не волновало нравственное воспитание учеников. Он не питал уважения к школе как к государственному институту. Короче говоря, у него была репутация отъявленного индивидуалиста. На первый взгляд, эти

качества нельзя было назвать похвальными, но их следовало рассматривать в нужном контексте. Такие школы, как Кэстривенфорд, всегда наполнены гражданским духом, который при отсутствии должного контроля может превратиться в настоящий фетиш. Поскольку мистер Этеридж помогал держать его в узде, директор ценил его не меньше, чем своих самых добросовестных сотрудников. Его отклонения от допустимых норм считались необходимым злом, а размеры причиненного им ущерба старались свести к минимуму, устранив из его расписания наиболее важные предметы.

Осторожно обогнув начертанную на полу пентаграмму, Уэллс сообщил учителю просьбу директора, и тот, сделав недовольную гримасу, передал ее Дж. Х. Уильямсу. Когда Уэллс удалился, мистер Этеридж начал торопливо объяснять ученикам значение «Большого гримуара» и делал это до тех пор, пока звонок не возвестил об окончании утренних занятий. Затем он встал, наспех пробормотал какое-то заклятие, защищавшее, как он объяснил, Уильямса от телесных повреждений во время посещения директора, и вышел из класса. Уильямс – смуглый, симпатичный и неглупый паренек лет шестнадцати – немедленно начал прокладывать себе путь сквозь толпу орущих сверстников, охваченный самыми дурными предчувствиями, которые не смогла рассеять даже обещанная мистером Этериджем волшебная защита.

Когда он вошел в кабинет директора, тот стоял около окна, держа руки за спиной.

– Уильямс, – без предисловий произнес он, – вам не следует встречаться с молодыми леди.

После недолгих раздумий директор решил, что такое начало лучше всего подойдет для их беседы. Он считал Уильямса спокойным и разумным парнем, который не станет отрицать справедливых обвинений.

Ученик покраснел.

– Да, сэр, – пробормотал он. – Мне очень жаль, сэр.

– Будьте осторожнее в выражениях, Уильямс, – предостерег директор. – Если в вашем возрасте вы начнете сожалеть о том, что встречаетесь с привлекательной девушкой, то придется обследоваться у врача... В подобных случаях лучше использовать выражение: «Прошу прощения».

– Да, сэр.

– Так где произошло ваше свидание?

– В научном корпусе, сэр.

– Вероятно, вы условились о нем во время последней репетиции?

– Да, сэр. Репетиция закончилась без четверти десять. У нас еще оставалось свободное время перед тем, как идти домой.

Директор отметил, что в следующем году эту задержку надо будет исключить.

– И это свидание, – продолжил он, – состоялось по вашей инициативе?

– Как вам сказать, сэр... – Уильямс рискнул улыбнуться. –

Я бы назвал это коллективным решением.

– У вас есть какое-нибудь оправдание?

– Не знаю, сэр, видели ли вы когда-нибудь Брэнду, но...

– Да, да, разумеется, это единственное, что вы можете ответить: «Венера, мыслью всей прильнувшая к добыче». Полагаю, в старшем классе вы хорошо знаете Расина.

– Как вы сами сказали, в моем возрасте это естественно, сэр, – попытался вывернуться Уильямс.

– Я так сказал? В таком случае это было опрометчиво. Если мы станем следовать нашим естественным импульсам, то скоро вернемся в каменный век. Что конкретно произошло на вашем свидании?

Уильямс посмотрел на него с удивлением:

– Ничего, сэр. Я на него не пришел.

– Что? – воскликнул директор.

– Мистер Паргитон поймал меня, как только я вышел в коридор. Как вам известно, сэр, мы должны возвращаться домой сразу после репетиций, даже если они заканчиваются рано. Ну, а я направился в другую сторону. И мистер Паргитон, – в голосе Уильямса прозвучала горечь, – заставил меня остановиться и вернуться к мистеру Фраю.

Директор подумал, что назойливость Паргитона, обычно весьма утомительная, все же имеет свои положительные стороны.

– И вы готовы поклясться, что после той репетиции больше не виделись с этой девушкой? – уточнил он.

– Да, сэр. Так оно и есть.

Директор сдвинул брови и опустил в кресло за столом.

– Как я уже сказал, вы не должны встречаться с молодыми леди.

– Да, сэр.

– Кроме того, выйдя за пределы этого кабинета, вы не должны распространяться о своих «естественных» желаниях, которые якобы подавляют преподаватели-мракобесы.

– Сэр, я и не думал...

– Боюсь, Уильямс, ваше сознание отравлено плохо понятным фрейдизмом.

– Честно говоря, сэр...

– Забудьте об этом. Никто не говорит, что вы всю жизнь обязаны соблюдать целибат. Но до конца последнего семестра осталось всего двенадцать недель, и если вы не состоите в воздержании от общения с противоположным полом без серьезных физиологических нарушений, значит, ваш разум является более слабым инструментом, чем я ожидал.

Уильямс молчал, ошарашенный этой отповедью.

– В заключение, – добавил директор, – хочу предупредить, что любые попытки вновь увидеться с этой девушкой будут иметь для вас самые неприятные последствия. Вы свободны.

Ученик удалился, одинаково восхищенный как магическими способностями мистера Этериджа, так и здравомыслием и прямоотой директора. Ему не приходило в голову, что

здравомыслие и прямота были тщательно продуманы и взвешены, чтобы произвести должное впечатление на его юношеский идеализм, смешанный с долей цинизма. Директор имел большой опыт в умении добиваться нужного эффекта.

Заметив, что Паргитон все еще слоняется возле учебного корпуса, директор решил проверить – и проверил – правдивость показаний Уильямса. После этого он позвонил в школу для девочек и сообщил мисс Пэрри обо всем, что ему удалось выяснить.

– Ясно, – кивнула она. – Что ж, тогда я снова примусь за дело. Как долго Брэнда пробыла в научном корпусе?

– Примерно до половины одиннадцатого, когда Уэллс запер дверь.

– Большое вам спасибо.

– Кстати, буду рад, если сообщите мне о результатах.

– Разумеется, – произнесла мисс Пэрри. – Я позвоню позднее.

«Позднее» наступило примерно за десять минут до начала дневных занятий.

– Послушайте, – начала мисс Пэрри, – вы уверены, что молодой человек сказал правду?

– Абсолютно, – ответил директор. – А что?

– Брэнда утверждает, будто в тот вечер даже не приближалась к научному корпусу.

– Может, она просто морочила парню голову?

– Не знаю.

– Она отрицала, что условилась о встрече с Уильямсом?

– Нет. Сначала пыталась, однако лишь для того, чтобы защитить его. А потом сказала, что они назначили свидание, но она передумала и вернулась домой.

– Больше ничего?

– Девчонка упряма как мул. Я уверена только в одном.

– В чем?

– Вчера ночью кто-то напугал ее до полусмерти.

Глава 3

Ограбление

Кэстривенфордская школа расположена на прямоугольном участке, обрамленном с запада рекой Кэстривен, а с востока – магистральным шоссе. В остальных местах его граница размыта: на севере спортивные площадки постепенно переходят в окрестные поля, а на юге школьные строения причудливым образом перемешаны с кучкой зданий, которые называются Снэгсхилл и представляют собой окраину как Кэстривенфорда, так и самой школы. Главный корпус – большое, но неуютное строение восемнадцатого века из красного кирпича, с увитыми плющом стенами и крошечным двориком для игр – одиноко высится на западной оконечности участка, выделяясь своей часовой башней и черепицей из потускневшей меди. Далее пологий склон, поросший вязами и буками и усеянный вольерами для кроликов, спускается к реке. Здесь находятся пристань и сарай для школьных лодок. На противоположной стороне реки простираются леса и поля с далекой фермой, а еще дальше, милях в трех к западу, видны шпили и крыши Кэстривенфорда.

По периметру этой территории расположены здания семи школьных пансионатов. На северо-западном углу торчит часовня, довольно уродливый реликт поздневикторианской

эпохи, возводившаяся так поспешно и на такие скудные средства, что местные власти до сих пор живут в страхе, как бы она не рухнула и не развалилась на куски. Школьные ворота открываются на главную дорогу. От ворот длинная аллея, обсаженная дубами, ведет к учебному корпусу, про который достаточно сказать, что его называли Домом Хаббарда. Рядом с воротами находится столовая, простая на вид и чисто утилитарная конструкция. Научный корпус, домик скаутов, манеж и библиотека образуют тесную группу на южной стороне рядом с Давенантом, самым крупным из пансионатов. Здесь же расположен и кабинет директора, поскольку его собственный дом стоит в полумиле от школы.

Остальную площадь занимают игровые площадки, поле для игры в сквош, пять теннисных кортов, гимнастический зал, бассейн, кондитерская и оружейная. Между ними протянута сложная сеть асфальтовых дорожек, она, на взгляд учеников, словно нарочно устроена так, чтобы как можно дальше растянуть их путь от пансионатов к Дому Хаббарда.

Все это великолепие – или, по крайней мере, его часть – разглядывал директор, стоя у окна своего кабинета и размышляя о проблеме Брэнды Бойс. Без пяти два зазвонил школьный колокол, и директор, отвлекшись от мыслей, подумал о том, нельзя ли, вопреки мнению консерваторов, навсегда заглушить этот жуткий перезвон. Само собой, колокол должен был способствовать пунктуальности учащихся, но когда на время войны его бой отменили, а потом верну-

ли снова, оказалось, что он почти никак не влияет на число опаздывающих учеников. В Кэстривенфорде вообще было слишком много звона. Башенные куранты, педантично отбивавшие не только часы, но и половинки с четвертями; колокола в научном корпусе; электрический звонок, раздиравший тишину в начале и конце каждого урока; ручные колокольчики в пансионах; колокол часовни, дребезжавший так, словно его сделали из мятой жести...

Между тем к Дому Хаббарда шумным потоком стекались ученики с учебниками и папками под мышкой. В их толпе директор заметил мистера Филпотса, бежавшего по сухой траве в сторону Давенанта.

Мистер Филпотс, учитель химии, отличался невероятной прытью, проявлявшейся в самых разных формах. Это был худой коротышка лет пятидесяти в тяжелых роговых очках, с длинным носом и утомительной привычкой к бессвязной болтовне. В том, что химик спешил, не было ничего удивительного: он вообще предпочитал бегать, а не ходить. Кроме того, мистер Филпотс обладал мнительным характером, склонным к постоянным жалобам и склокам: любая мелочь повергала его в отчаяние и заставляла мчаться в директорский кабинет, кипя возмущением и гневом. Заметив его в окне, директор уже не сомневался, что через минуту-другую тот появится у него в комнате, чтобы поведать о своих новых горестях.

На самом деле подобная перспектива не слишком тяготи-

ла его: он знал, что страдания мистера Филпотса легко унять, проявив чуточку внимания и такта. Поэтому, когда учитель химии действительно постучал в дверь, директор радушно пригласил его войти. Однако вскоре ему стало ясно, что на сей раз мистер Филпотс явился с чем-то более серьезным.

– Кошмарная история! – выпалил он. – Безобразный, отвратительный скандал!

Директор предложил сесть, но учитель отказался.

– Преступник должен быть схвачен и наказан! – заявил он. – Самым суровым образом! За всю мою учительскую карьеру еще не было случая...

– Что произошло, Филпотс? – нетерпеливо перебил директор. – Давайте с начала, прошу вас.

– Ограбление, вот что! Настоящее ограбление – ни больше, ни меньше!

– Что украли?

– В том-то и дело, – стремительно затараторил мистер Филпотс, – я не знаю. Но это неважно. Я не обязан следить за инвентарем! У меня нет времени. Вступительные экзамены, актовый день, квартальные отчеты...

– Что-то пропало в химической лаборатории? – вставил директор, мысленно успев перебрать все варианты.

– Мой шкафчик вскрыли! Вскрыли и обыскали! Сразу хочу заявить, что я снимаю с себя всякую ответственность. Сколько раз я заявлял, что в нем ненадежные запоры! Сколько раз...

– Никто не пытается вас в чем-либо обвинить, – холодно заметил директор. – Что находилось в шкафчике?

– Кислоты, – с неожиданной лаконичностью ответил химик. – В основном, кислоты.

– То есть ядовитые вещества?

– Именно. Вот почему я считаю это происшествие серьезным. – Мистер Филпотс глубоко вздохнул. – Надеюсь, вы разделяете мое мнение, господин директор?

– Разумеется, разделяю. Странно, но я пока сохранил здравый смысл. Вы не знаете, что именно украли – если вообще украли?

– Что-то украли, это несомненно, – желчно произнес мистер Филпотс. – Иначе зачем было взламывать шкафчик? Одно могу сказать: я не заметил большой пропажи каких-то конкретных химикатов.

– Замечательно, – кивнул директор. – Я подумаю над этой проблемой. А пока не могли бы вы проследить за тем, чтобы кабинет химии был заперт на то время, когда там нет занятий? Конечно, осторожными следовало быть раньше, но если мы не хотим повторения случившегося... Кстати, когда вы это обнаружили?

– Сегодня утром, на последнем уроке. Это было мое первое занятие. Но я могу заверить, что вчера в пять часов вечера шкафчик был в полном порядке: как раз в это время я поставил в него новый препарат.

– Хорошо, Филпотс, – вздохнул директор. – Я дам вам

знать, когда решу, что делать дальше.

Мистер Филпотс важно кивнул, покинул кабинет и помчался в сторону научного корпуса. К тому времени, как директор вернулся к окну, колокол уже затих, и опаздывавшие ученики перешли с ходьбы на бег. Через несколько секунд часы пробили два, и в Доме Хаббарда прозвенел звонок. По дорожке пролетел последний ученик, в отчаянном рывке пытавшийся нагнать своих товарищей, и исчез из виду. Все затихло.

Но директора не радовала тишина. Пропажа ядовитых веществ – пока только предполагаемая – являлась, как справедливо заметил мистер Филпотс, весьма серьезным делом. Кроме того, было не совсем понятно, какие действия следует предпринять. Вероятно, кражу совершил не ученик: при отсутствии явных доказательств директор больше склонялся к тому, чтобы отвергнуть эту версию. Но оставались еще местные рабочие, преподавательский состав, случайные посетители, свободно разгуливавшие по территории школы, и Брэнда Бойс, которая, если верить Уильямсу, вчера вечером ждала его в научном корпусе.

Директор раздраженно прикусил кончик трубки. Меньше всего ему хотелось обращаться в полицию, но в сложившейся ситуации у него не было выхода. Он тяжело вздохнул и протянул руку к телефону.

Примерно в это же время мистер Этеридж вышел из учительской вместе с Майклом Сомерсом. Оба направлялись в

одну сторону, и между ними завязался разговор.

Сомерс – высокий, худой, жилистый мужчина с гладкими черными волосами и привлекательным, но слишком женственным лицом – был самым младшим преподавателем в Кэстривенфорде. Его внешности соответствовал приятный голос, в музыкальных нотках которого иногда слышались неуверенность и фальшь. Он преподавал английский, и преподавал неплохо, но ученики его не любили, а директор, всегда отдававший должное безжалостной интуиции подростков, считал это достаточной причиной, чтобы держаться с ним настороже. Опыт подсказывал, что главной, если не единственной причиной непопулярности учителя является его неискренность. Суровость педагога не настроит против него учеников, если к ней не примешиваются лицемерие и лживость. И, напротив, снисходительность – а Сомерс был на редкость снисходителен – часто является только взяткой, которая не заслуживает их симпатий.

Коллеги Сомерса относились к нему со смешанными чувствами: многих отталкивало его высокомерие, подспудно проявлявшееся в каждом слове и поступке. Но мистер Этеридж, по общему мнению, лишенный не только морали, но и каких бы то ни было человеческих симпатий, видел в своих сотоварищах лишь аудиторию для собственных речей. Поскольку в разговоре с ним Сомерс неизменно проявлял заинтересованность и внимательность, мистер Этеридж считал его практически безупречным.

– Ну, как? – спросил мистер Этеридж. – Что там происходит с Лавом?

Сомерс удивленно приподнял брови:

– Происходит? Я не знал, что с ним что-то происходит. Вы о чем?

Мистер Этеридж разочарованно потряс головой. Помимо своей пресловутой эксцентричности он имел репутацию главного потребителя местных сплетен и скандалов. Каким-то чудесным образом ему удавалось получать самые деликатные сведения обо всем, что происходило в школе, и затем распространять их дальше. Но теперь, оставшись без нужной информации, он приуныл. Если уж Сомерс не смог сообщить ему ничего интересного о причудах мистера Лава, вряд ли он найдет более надежный источник. Сомерс жил в пансионе Мерфилд, которым заведовал Лав, и считался его протеже. Мистер Этеридж вздохнул.

– По правде говоря, – с упреком произнес он, пока они поднимались по каменным ступенькам, – мне казалось, вы должны были это заметить.

– Я почти не видел его в последнюю неделю, – пожал плечами Сомерс.

– Похоже, он весь кипит от ярости, – продолжил мистер Этеридж. – Всегда раздраженный, вспыльчивый, угрюмый. Конечно, он и раньше был не сахар: что взять с пуританина? Но сейчас все зашло слишком далеко. У меня такое чувство, будто его что-то грызет изнутри.

– Он легко впадает в хандру, если что-то идет не так.

Мистер Этеридж, очевидно, счел этот комментарий скучным и банальным, чтобы реагировать на него.

– В школе происходят загадочные события, – пробормотал он. – Кстати, как ваше запястье? – Он кивнул на правую руку Сомерса, крепко перевязанную бинтом.

– Спасибо, уже лучше. Какие загадочные события?

– Вы, конечно, слышали о краже в научном корпусе?

– Ах, вы об этом. Да. Филпотс рассказал мне по дороге на занятия.

– А насчет ученицы из женской школы?

– Нет. Что за ученица?

– Она назначила Дж. Х. Уильямсу свидание в научном корпусе, – объяснил мистер Этеридж. – В этом, конечно, еще нет ничего необычного. Но, во-первых, Уильямс на свидание не явился, потому что его задержал проныра Паргитон. А во-вторых, девушка вернулась домой подавленной и испуганной. Что вы об этом скажете?

Они подошли к классной комнате Сомерса. Внутри слышался гул голосов. Сомерс пожал плечами и ответил:

– Думаете, она как-то связана с кражей?

– До сих пор, – мистер Этеридж поднял палец, – она отказывается что-либо говорить. Но дело плохо, Сомерс, поверьте мне, очень плохо. Именно такие ситуации заканчиваются убийством.

Учебный день близился к завершению. Позвонив в по-

лицию и поговорив с суперинтендантом, который пообещал зайти вечером, директор начал диктовать и подписывать письма и заметки. В два сорок пять он отпустил Гэлбрейта, своего секретаря, в его комнату и подошел к окну, выходящему на школьный двор. По пятницам в колледже проходил парад кадетов, поэтому вторая смена начиналась не без четверти три, а без четверти пять. В Доме Хаббарда прозвенел звонок, и по коридорам разлился легкий гул, словно вся школа вздохнула с облегчением. Этот слабый звук быстро перерос в оглушительный рев, смешанный из грохота поднимавшихся парт и передвигаемых стульев, хлопанья учебников и топота ног, бежавших по деревянным лестницам под аккомпанемент звонких голосов и пронзительного свиста. Еще через минуту сотни учеников хлынули из дверей, перемешивая зелень своей формы с синевой авиационных кителей и серыми робами «больных» кадетов, размахивая толстыми тетрадами, елозя по ремням рукавами блуз и приветствуя штатских преподавателей, которые, закончив работу, садились на велосипеды и выезжали из ворот. Объявили пятнадцатиминутный перерыв, и подростки торопились разбежаться по своим пансионам, стуча по тротуару крепкими ботинками. Вскоре двор почти полностью опустел, и остались лишь редкие группки школьников и учителей, дожидавшихся начала парада. Солнце пекло немилосердно, кроны вязов бросали на дорожки сетчатую тень. Безоблачное небо сияло ослепительной лазурью.

Обычно в это время к директору заходил кто-нибудь из преподавателей, чтобы получить от него новые указания или ценные советы, но сегодня посетителей не было. Постояв немного у окна, он вернулся к столу и принялся довольно вяло сочинять свою речь для завтрашней службы в церкви. Время от времени до него доносились резкие выкрики команд и дружное топание кадетов, проходивших парадным шагом через плац. Часы на каминных часах показывали ровно четыре, когда к подъезду Давенанта на совершенно неприличной скорости подкатил красный спортивный автомобиль, и из него неторопливо выбрался оксфордский профессор английского языка и литературы Джервейс Фен.

Это был тощий долговязый мужчина чуть старше сорока, чисто выбритый, с румяным лицом и веселым прищуром светло-синих глаз. Одет он был в серый костюм, зеленый галстук с фигурами русалок и причудливую шляпу. Одобрительно похлопав по капоту автомобиля, издавшего громкий хлопок, профессор огляделся по сторонам и увидел директора, который уже вышел из дома, чтобы встретить гостя и проводить его к себе. Оказавшись в кабинете, Фен немедленно плюхнулся в большое кресло.

– Что ж, замечательно, – произнес директор. – Большое спасибо, что согласились приехать к нам вот так, в последний момент. Тем более что мы давно не виделись. Чем вы занимались это время?

– Дедукцией, – рассмеявшись, ответил Фен.

– Я видел газеты. Кажется, в Оксфорде теперь плохо с преступностью.

– Вы что, не читали Мэтью Арнольда? – спросил профессор. – Оксфорд буквально набит спрятанными трупами.

Директор улыбнулся, позвонил Гэлбрейту и попросил принести чай.

– Вы прибыли вовремя, – заметил он, когда секретарь ушел. – У нас тут пара необычных происшествий.

– Неужели?

– Возможно, даже с криминальной подоплекой. С минуты на минуту я жду суперинтенданта полиции.

Профессор приподнял брови:

– Расскажите!

Директор рассказал. Начав с эпизода в кабинете химии, он сообщил о странном поведении Брэнды Бойс. Фен внимательно слушал и, когда директор закончил, пробормотал:

– Думаю, вы не зря вызвали полицию.

Его собеседник поморщился:

– Боюсь, они не обрадуются, узнав, что мы хранили химикаты в доступном месте.

– Вы можете рассчитывать на их деликатность?

– Разумеется. Стэгг разумный человек. – Директор выдержал паузу. – Что вы об этом думаете?

– Ничего, мой дорогой Гораций. У меня есть много разных объяснений – большинство из них, впрочем, вполне невинны, – но ни одной возможности проверить их. Проще

говоря, нам не хватает данных. А что вы вообще хотели бы от меня услышать?

– По сути дела, – протянул директор, – эта девушка не моя забота. Что бы с ней ни случилось, это произошло уже после того, как она ушла с репетиции. Правда, существует определенная связь между происшествием в химической лаборатории и тем фактом, что она ждала Уильямса в научном корпусе.

– Видимо, надо сделать объявление о краже в школе.

– Сомневаюсь, что это поможет. К тому же я уверен, что ученики тут ни при чем. Я знаю, как обычно ведут себя школьники, и сейчас явно не тот случай. Разумеется, попадают мальчики, которые воруют. Но когда это происходит, речь почти всегда идет о деньгах или еде.

Некоторое время оба молчали. Парад во дворе закончился, и в окне были видны толпы школьников, стекавшихся на вечернее чаепитие в Давенант. Фен нахмурился.

– Насчет этого Филпотса... – начал он, но замолчал, услышав, как за дверью что-то громко шлепает и скребется. – Господи, а это еще что? – воскликнул Фен.

– Сейчас увидите, – мрачно усмехнулся директор.

Он встал, подошел к двери и распахнул ее. На пороге стоял огромный пес.

– Боже милостивый, – прошептал Фен.

Судя по всему, это был блаухаунд, правда, необычно крупный, вероятно, с примесью других пород. Он с пугаю-

щей неподвижностью стоял в проеме, не сводя с профессора пристального ледяного взгляда.

– Это Винни-Пух, – объяснил директор. – Старый пес, – торопливо добавил он, словно стараясь отвлечь внимание от вопиющей неуместности его клички. – Я бы даже сказал, очень старый.

– Скажите, а он... – осторожно заговорил Фен с видом Валаамовой ослицы, неуверенно пробующей только что обретенный голос, – он – ваш?

Директор покачал головой:

– Он ничей. Когда-то принадлежал одному учителю, но тот умер, и теперь пес просто живет в школе. Вообще-то, его надо отсюда убрать, – заметил он, с отвращением глядя на Винни-Пуха. – Проблема в том, что у него бывают жуткие приступы ярости, когда он набрасывается на людей.

– Вот как?

– Они случаются примерно раз в три месяца. Кстати, как раз сейчас мы ожидаем очередной приступ.

– Понятно.

– Но вам не о чем волноваться, вы ему понравились. Он от вас просто без ума.

Фена, кажется, не слишком обнадежили его слова.

– Я этого не вижу, – возразил он.

– Если бы вы ему не понравились, – объяснил директор, – он бы уже вас покусал.

При этих словах Винни-Пух внезапно сдвинулся с места

и медленно направился к Фену.

– Эй, смотрите, что он делает! – воскликнул он.

– Не бойтесь, – произнес директор, на всякий случай отойдя подальше от собаки. – Он просто хочет с вами подружиться.

Но, похоже, профессора это не убедило.

– Уходи! – крикнул он собаке. – Уходи, слышишь!

– Лучше его не злить, – посоветовал директор. – Если его сильно разозлить, у него может начаться приступ. Вот почему я впустил его сюда.

Тем временем Винни-Пух приблизился к Фену, который смотрел на него с беспокойством. Все с тем же недобрым видом пес опустил голову ему на колени («Ну, вот», – успокаивающе пробормотал директор) и немного постоял в такой позе, роняя из пасти слюну. Потом отодвинулся и стал карабкаться на стол.

– Отлично, – быстро прокомментировал директор, – теперь, когда он нашел, чем себя занять... Так вы спрашивали про Филпотса?

– Да. – Фен передвинул кресло так, чтобы не упускать из виду Винни-Пуха. – Филпотс... Он временный учитель?

– Нет, постоянный. Работает у нас много лет.

– Кажется, в последнее время у вас было много перестановок?

Директор со вздохом кивнул:

– Вы правы, нам пришлось несладко. Сейчас более или

менее утряслось, но тогда все это основательно потрепало нам нервы – и дело не только в войне. Люди начали разбегаться кто куда, причем безо всяких объяснений. Например, Сомс, проработав двадцать лет, неожиданно бросил школу и устроился в рекламный отдел на фабрику по производству спичек. А молодой Шеридан – блестящий педагог – очертя голову бросился на Би-би-си и стал обозревателем на Третьем канале. Мортон тоже ушел на Би-би-си, но диктором. Однажды он так громко объявлял какое-то телешоу, что упал в обморок и больше не оправился. – Директора, видимо, сильно расстроил этот случай. – Печальный конец, хотя... Господи!

Последний возглас был связан с Винни-Пухом, который пытался теперь вскарабкаться на стену. Ему это не удалось, и он с громким стуком шлепнулся на пол.

– Нет, так не пойдет, – пробормотал директор. – Он может что-то повредить себе.

Хозяин кабинета порылся в ящике стола и достал резиновую кость. Винни-Пух немедленно схватил ее и начал с ней играть. Он сжимал кость в пасти и яростно мотал головой из стороны в сторону. Иногда разжимал зубы, и тогда кость вываливалась на ковер или со всего маху отлетала куда-то в сторону. Тогда Винни-Пух в один прыжок достигал беглянку, и все начиналось снова.

– Он совсем как человек, правда? – улыбнулся директор. – Впрочем, сомневаюсь, что это можно рассматривать

как комплимент. – В дверь постучали. – А, вот и чай.

За чаепитием они поговорили о разных малозначащих вещах. Винни-Пух тоже получил жидкий чай в полоскательной чашке, но ограничился тем, что ткнул в него лапой, недовольно фыркнул и вернулся к своей кости. Вскоре директор взглянул на часы и пробормотал:

– Странно, что суперинтенданта еще нет. Через пять минут я должен рассказывать о Лукреции в старшем классе. Боюсь, придется бросить их на произвол судьбы.

– Если хотите, я могу вас подменить? – предложил Фен.

Директор с надеждой взглянул на профессора:

– Вас это не очень затруднит?

– Нет.

– Не хочу оставлять их одних, – пояснил директор. – Они сразу соберутся в кучки и начнут играть в бридж.

– Вот и прекрасно. – Фен допил чай, сунул в пепельницу сигарету и встал. – Расскажите, как их найти, и я немедленно отправлюсь.

– Я пойду с вами и представлю вас ученикам.

– Нет, нет, мой дорогой Гораций! В этом нет необходимости: я могу и сам себя представить.

– Ну, если вы настаиваете... Первая дверь направо по дороге к выходу. Это милые и дружелюбные мальчишки, вот увидите. После урока возвращайтесь в кабинет, и я отвезу вас к себе домой. Еще раз огромное спасибо.

– Мне это доставит только удовольствие, – искренне про-

изнес Фен и направился к двери.

Винни-Пух бросил кость и двинулся за ним. Профессор остановился.

– Он желает отправиться со мной? – возмутился он. – Наверное, думает, будто я Гилберт Уайт⁴.

– Давайте я возьму кость, – предложил директор, – и отвлеку его внимание, а вы потихоньку выскользните за дверь.

– Это шантаж! – воскликнул Фен. – Пес-шантажист.

Однако он выполнил задуманный маневр, и уловка удалась. Выйдя в коридор, профессор торопливо направился в старший класс, а в спину ему продолжали нестись устрашающий звериный рык, намекавший на то, что приступ Винни-Пуха может начаться с минуты на минуту.

⁴ Уайт Г. (1720–1793) – ученый-натуралист, автор краеведческого труда «Естественная история и древние памятники Селборна».

Глава 4

Катастрофа

Средняя школа для девочек находилась в самом городке Кэстривенфорд, недалеко от дома директрисы. Поскольку мисс Пэрри питала склонность к красивым интерьерам, ее кабинет представлял собой вполне изысканное помещение в бело-розовых тонах: светлое и просторное, с узорчатым тиснением на креслах и дрезденскими вазами на камине. В кабинете было множество живых цветов, за окном зеленела прибрежная аллея с подстриженными ивами, и поблескивала гладь реки. Послеполуденное солнце щедро изливало теплый свет на кирпичную ограду и уютный садик, откуда в дом доносился запах чайных роз, буйно разросшихся вдоль лужайки и обрамлявших арку решетчатых ворот. Поверх стены открывались крыши убежавших к горизонту старых зданий, а за ними торчал шпиль церкви Гроба Господня с золоченым флюгером, четким и неподвижным на фоне голубого неба.

В пять часов вечера, когда мисс Пэрри сидела в кресле и обозревала все это великолепие, пытаясь переварить содержимое тридцати с лишним сочинений, посвященных понтификату Льва Десятого, зазвонил телефон. Она неохотно потянулась к аппарату. Обычно ей нравилось отвечать на звон-

ки, но последняя неделя выдалась настолько утомительной, что сейчас ее гораздо больше тянуло расслабиться и побыть одной. Однако директриса считала это недопустимой слабостью и, обладая скорее практичным, чем аналитическим складом ума, винила во всем адскую жару. Хотя...

– Кэстривенфорд, 473, – произнесла она. – Да, это мисс Пэрри. Кто говорит? А, миссис Бойс... Брэнда не вернулась домой? Понятно. Да, насколько я знаю, она ушла после четырех. Возможно, решила зайти в магазин или в кино. Ах, вот оно как. Вы правы, это меняет ситуацию. Раз вы просили ее не задерживаться по пути из школы... Понимаю, вы обеспокоены... да... да... В школе еще осталось несколько старшеклассниц, и я их спрошу. Разумеется. Да, я сразу перезвоню вам. До свидания.

Трубка резко звякнула на рычаге. После недолгих размышлений директриса покинула кабинет, пересекла короткий переход, соединявший кабинет с учебным корпусом, прошла через спортивный зал и оказалась в школьном коридоре. В одном из ближних классов слышались молодые голоса, громко о чем-то спорившие. Когда она приблизилась к двери, внутри раздался жуткий грохот, напоминавший крушение «Дойчланд» у берегов Кентиш-Нок.

– Черт бы побрал эти хоккейные клюшки! – заорала одна из девушек.

– Не ругайся, Элспет.

– Хочу и буду ругаться! К дьяволу эти вонючие, пога-

ные...

– Элспет!

Мисс Пэрри приподняла брови и вошла в класс.

Комната представляла собой скорее склад, набитый старыми книгами, запасами провизии, спортивным инвентарем и букетами сухих цветов, рассованных по банкам изпод джема. Мебели здесь почти не было, а окна выходили на теннисный корт. На оставшемся свободном пятачке с трудом умещались четверо старшеклассниц в синих плиссированных юбках, черных туфлях, школьных галстучках и белых блузках с коротким рукавом. Официально в классе проходило заседание комитета литературной секции, но на самом деле девушки просто уплетали за обе щеки. Драматичное появление директрисы заставило их мгновенно застыть, подобно корнуэльским девам, которых гнев Иеговы обратил в скалы, когда они плясали нагишом на шабаше.

Мисс Пэрри смерила их пронизывающим взглядом и спросила:

– Кто-нибудь видел Брэнду Бойс после уроков?

Все в оцепенении молчали, пока одна из девушек наконец не набралась смелости ответить.

– Нет, мисс Пэрри, – произнесла Элспет.

– Нет, мисс Пэрри! – эхом откликнулись остальные.

– Кто-нибудь из вас видел, как она уходила домой?

– Нет, мисс Пэрри, – повторила Элспет.

– Нет, мисс Пэрри! – дружно подхватили остальные.

Директриса поняла, что беседовать с этой компанией, отвечавшей как античный хор, не имеет смысла. Она переключила внимание на Дженнис Дэллоуэй – девушку, которая только что укоряла Элспет за сквернословие.

– Когда ты в последний раз видела Брэнду? – спросила мисс Пэрри.

– Это было на уроке истории. Мы собирались уходить, но мисс Фитт задержала меня, чтобы поговорить о моей работе, а потом я направилась прямо сюда и не видела, как она ушла.

– Может, она еще в своем классе? – предположила третья девушка.

Мисс Пэрри помедлила, надеясь услышать какие-нибудь версии, но все молчали.

– Ладно, – сказала она. – Продолжайте заседание. И помните, что вы должны покинуть здание не позднее шести часов.

– Да, мисс Пэрри, – ответила Элспет.

– Да, мисс Пэрри, – послушно пропели остальные.

– Обычно я не вмешиваюсь в разговоры учениц, – добавила директриса, шагнув к двери, – поэтому все, чем вы здесь занимаетесь, остается на ваше усмотрение. Но ругательства – другое дело. – Она сделала паузу. Элспет слегка побледнела и уставилась в пол. – Если подобное повторится, у вас будут большие неприятности.

Она вышла, закрыв за собой дверь. В спину ей долетел приглушенный шепоток.

Комната для занятий, которую Брэнда Бойс делила еще с одной девочкой, – очень похожа на первый класс, но немного аккуратнее, – оказалась пуста. Мисс Пэрри уже собиралась уйти, когда заметила конверт, лежавший на столе у открытого окна. Взяв его, она обнаружила, что письмо адресовано ей, и развернула листок.

Уважаемая мисс Пэрри!

Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Я уезжаю с человеком, который сделает меня счастливой. Я сумею о себе позаботиться, не волнуйтесь. Я напишу маме и папе. Спасибо за все, что вы для меня сделали.

Искренне ваша

Брэнда Бойс.

Мисс Пэрри невольно ахнула, но первое, что пришло ей в голову, было: до чего же это не похоже на стиль Брэнды. Никаких тебе витиеватых предложений и напыщенных фраз. Конечно, неожиданная лаконичность могла быть вызвана эмоциональным стрессом, но... Она поискала тетрадь с записями Брэнды и сравнила почерк с запиской. Да, одна и та же рука – но стиль иной. Утомительно-цветистое «путешествие во Францию, где на голых, наспех сколоченных помостках еще не высохла кровь казненных аристократов, многоголосым эхом откликнулось в ритмизированной автобиографии Вордсворта», – не имело ничего общего с сухим «я уезжаю с человеком, который сделает меня счастливой».

Абсолютно ничего. Мисс Пэрри убрала письмо в карман и направилась в кабинет, размышляя о том, как сообщить о своем открытии родителям Брэнды.

К счастью, все прошло не так скверно, как она боялась: родители вели себя сдержанно и благоразумно, тем более что мисс Пэрри не стала посвящать их в сомнения по поводу подлинности оставленной записки. Мистер Бойс попросил ее немедленно сообщить в полицию о пропаже дочери. Поскольку мисс Пэрри знает больше, чем они, будет лучше, если суперинтендант встретится сначала с ней.

Но когда она связалась с дежурным в отделении полиции, тот сказал, что суперинтендант уже выехал к директору Кэстривенфордской школы. Поблагодарив, мисс Пэрри повесила трубку, подняла ее снова и набрала кабинет директора.

Звонок поступил в тот момент, когда суперинтендант уже собирался уходить. Это был высокий, плотный, моложавый мужчина, на лице которого, благодаря странной игре природы, всегда было написано выражение тревоги. Глядя на него, вы невольно начинали думать, будто где-то рядом прячется убийца. Происшествие со шкафчиком он считал несущественным и как раз излагал свою точку зрения Фену, который уже вернулся с урока в старшем классе, когда зазвонил телефон. Директор снял трубку.

– Да, мисс Пэрри, – произнес он. – Что? Пропала? Боже

милостивый... Да, суперинтендант здесь. Минутку.

Он передал трубку Стэггу, и тот молча выслушал рассказ мисс Пэрри.

– Все понятно, мэм, – сказал он. – Я немедленно приеду. Мы обязательно найдем ее. Да. До встречи.

Стэгг повесил трубку и объяснил ситуацию остальным.

– Похоже, она сбежала с каким-то парнем, – заключил он и взглянул на директора. – Как вы думаете, кто-нибудь из ваших старшеклассников...

– О, нет, что вы, – запротестовал директор, – это невероятно. Если девушка в ее возрасте сбегает с мужчиной, как правило, это кто-нибудь постарше.

– И все-таки, сэр, если вы можете проверить...

– Боюсь, что не смогу, суперинтендант. По крайней мере, до десяти часов. Сегодня вечером ученики отпущены по домам и вернутся только к десяти.

Стэгг выпрямился и взял шляпу.

– В любом случае, я сделаю все, что смогу. Надеюсь, сэр, вы сообщите мне, если произойдет что-нибудь необычное – любая мелочь, даже несущественная. Никто не знает, с чем мы имеем дело.

Озвучив эту туманную угрозу, он ушел. Директор откинулся в кресле.

– И все это накануне актового дня, – пробормотал он. – Да поможет нам Господь.

– Да поможет Господь этой девушке, – мрачно промолвил

Фен. – Я не верю, что она сбежала. Сбегают сентиментальные девицы, а Брэнда Бойс, судя по вашим словам, отнюдь не сентиментальна.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что ее похитили или убили.

Директор с недоверием посмотрел на гостя.

– Но зачем? С какой целью? Невероятно. Не представляю, что теперь делать с пьесой... Надо сказать Матисону.

Он подошел к окну кабинета и заметил учителя, удалявшегося на велосипеде в сторону ворот.

– Матисон! – крикнул директор. – Матисон!

Тот резко вильнул в сторону, слез с велосипеда и покати́л его назад к окну. Директор вкратце объяснил ему суть проблемы.

– Ну, что ж, – произнес учитель, помолчав, – девочка, которая играет Изабеллу, знает роль Екатерины и, пожалуй, сможет заменить ее. Правда, завтра мне придется целый день вколачивать в нее новую роль... К счастью, текста там немного.

Директор согласился, что это кстати. Он готов был восхвалять Шекспира за подобную предусмотрительность. Вскоре Матисон удалился, а Фен отвез директора домой, где они поужинали. За чашкой кофе директор сообщил:

– Боюсь, я не смогу составить вам компанию на этот вечер. Мне нужно вернуться в школу и побеседовать с парой докучливых родителей, а потом посетить Календарный ко-

митет.

– Что еще за Календарный комитет?

– Там мы составляем расписание до конца семестра и следим за тем, чтобы разные мероприятия не противоречили друг другу.

– А бывает, что противоречат?

– Часто. В школе шестнадцать секций и кружков, и у каждого свои занятия. Плюс всевозможные конкурсы, спортивные соревнования и праздничные службы. А также лекции, концерты, репетиции, походы в кино. Скучать не приходится, уж поверьте.

– Прекрасно, – кивнул Фен. – А я пока займусь своим детективным романом.

– Чем?

– Я пишу детективный роман.

– Вот как? – бесстрастно отозвался директор.

– Это очень хороший роман, – заверил Фен. – Действие начинается промозглой ноябрьской ночью в горах Кэтскилл...

– Да, да. – Директор поднялся. – Поговорим об этом позднее, друг мой. Мне пора идти.

– ...а в бревенчатой хижине у огня дрожит молодая женщина. Но дрожит она, заметьте, не от холода. – Фен выдержал драматичную паузу. – Она дрожит от страха!

– Понимаю, – кивнул директор, торопливо направляясь к двери. – Надеюсь, вы расскажете мне об этом, когда у меня

будет время должным образом все это оценить. – И он поспешно вышел.

Когда директор сел в свою машину и отправился обратно в школу, на улице, несмотря на сумерки, все еще стояла душающая жара. К счастью, родители оказались не столь назойливы, как он ожидал, а заседание Календарного комитета, хотя и весьма продолжительное, обошлось без сплетен и скандалов. Без четверти одиннадцать оно наконец закончилось, и директор уже собирался уходить, когда появился Гэлбрейт. Около четырех он вернулся в свою холостяцкую квартиру, но тут возникли проблемы с билетами на службу, и ему потребовался совет. Количество мест в часовне было ограничено, поэтому требовалось тщательно отбирать родителей, собиравшихся посетить службу в актальный день. По этому поводу между Гэлбрейтом и капелланом возникли трения, и в результате билетов было роздано больше, чем имелось мест. У директора был трудный день, однако он постарался решить эту проблему со всем тщанием и старанием, которых требовал от него долг.

Их беседа еще не закончилась, когда без двух минут одиннадцать зазвонил телефон. Голос Вирджинии Лав звучал так взвинченно и искаженно, что директор едва узнал его. В оцепенении он выслушал ее слова.

– Понимаю, – произнес он с запинкой. – Это... это ужасная трагедия, миссис Лав. Я даже не знаю, что сказать... мои искренние соболезнования... Я свяжусь с полицией и докто-

ром... Да... да, конечно... До свидания.

Директор повесил трубку и повернулся к Гэлбрейту.

– Это насчет Лава, – сообщил он. – Его застрелили.

Гэлбрейт вытаращил глаза: ему сложно было скрыть свои эмоции за профессионализмом.

– Застрелили? – повторил он. – Вы хотите сказать, мертв?

– Да. Мертв.

– Самоубийство?

– Не знаю. Его жена едва может говорить. В любом случае...

Телефон снова зазвонил. Директор взял трубку; на его лице появилось выражение недоверия и шока.

– Ладно, – пробормотал он. – Оставьте там и ничего не трогайте. Я дам необходимые распоряжения. – Он повесил трубку. – Это Уэллс, из Дома Хаббарда. Он только что нашел в учительской Сомерса...

Директор оперся одной рукой на спинку кресла. Его лицо побледнело.

– Сомерс тоже мертв, – сообщил он. – Убит выстрелом в глаз.

Глава 5

Улики и следы

– Вы приехали вовремя, – заметил директор, и Фен, сидевший в одном из мягких кресел, мрачно кивнул. – Не сомневаюсь, что Стэгг будет рад вашей помощи. Нам всем придется несладко. Разумеется, мы сделаем все, что в наших силах, однако я не могу не сожалеть о том, что эти события произошли накануне актового дня. Вероятно, вы сочтете меня бессердечным, но...

– Нет, нет, – перебил Фен. – Ваш главный долг – заботиться о школе. Полагаю, уже поздно что-либо отменять?

– Да. Вся программа должна быть выполнена. Я надеюсь, нам удастся замять эту историю хотя бы до завтрашнего вечера. Но последствия будут серьезными. Подобная огласка...

За лучом яркого света, который падал из школьного кабинета на улицу, царил такая плотная тьма, что ее почти можно было потрогать руками. Но садовые цветы – розы и вербена – казалось, только радовались наступлению вечера и пахли еще резче и сильнее, чем днем. Вокруг настольной лампы порхал ночной мотылек, его крылья трепетали и шуршали по оранжевой ткани абажура. В углах комнаты лежала густая тень, но свет уютно поблескивал на медной подставке в оча-

ге камина, словно заменяя отсутствовавшие в нем дрова, и играл радужными искрами в граненом бокале, который Фен задумчиво крутил в своей узкой аристократической руке.

– Вы отправили секретаря домой? – спросил он.

– Да. Сразу после звонка в полицию. Нет смысла держать его здесь.

– Прекрасно. Тогда поговорим о деле. Скажите, если оставить в стороне проблемы, которые могут возникнуть у школы, лично вас расстроила смерть этих людей?

Директор резко встал и начал расхаживать по комнате. Его волосы были взлохмачены, глаза запали. Одну руку он сунул в карман, а в другой держал забытую сигарету, и она тлела, роняя на ковер пепел.

– Честно говоря, нет, – ответил он после долгой паузы. – Оба мне не нравились. Но, полагаю, сейчас это не имеет никакого значения.

Директор остановился перед старым зеркалом в золоченой раме и поправил волосы. Фен продолжал изучать яркие огоньки в своем бокале.

– Расскажите мне о них, – попросил он. – Биографию, характеры, личные симпатии – все, что знаете.

– Попытаюсь. – Директор снова начал ходить по кабинету. – Из этих двоих Лав, пожалуй, более интересная личность. Он преподает, вернее, преподавал историю и классические языки. Человек знающий, серьезный – вполне приличный учитель.

– Мальчики его любили?

– Скорее уважали: он не из тех, кто вызывает к себе симпатию. По взглядам – убежденный пуританин, но не без практической сметки. Превыше всего для него был долг. Он не то чтобы отрицал земные радости, но считал их необходимым злом, чем-то вроде лекарств, которые следует принимать в нужных дозах и в нужное время. Кстати, при всей его компетентности, – добавил директор, не уточнив, что подразумевает под этим словом, – заведующий пансионом из него был неважный.

– А я и не знал, – заметил Фен, – что он являлся заведующим.

– Не здесь, а в Мерфилде. Оставив Кембридж, приехал сюда в качестве помощника директора. Потом перебрался в Мерфилд и получил пансион. А когда достиг предела возраста, допустимого для заведующих, снова вернулся к нам помощником директора. Это было еще во время войны, когда мы нуждались в кадрах.

– Сколько ему тогда было лет?

– Кажется, шестьдесят два.

– Обычно заведующие уходят на пенсию в шестьдесят.

– Да. Но Лав был из тех, кто держится за работу до последнего, пока есть возможности и силы. Такие, как он, не уходят на пенсию, а умирают на своем посту. – Директор снял с каминной полки серебряные часы, достал из вазы ключ и начал заводить пружину. – Честно говоря, – продолжил он, – Лав

представлял для меня определенную проблему. После войны попечители стали требовать, чтобы все учителя старше шестидесяти отправлялись на покой, поэтому у меня имелись основания избавиться от него. Но я убедил совет сделать для него исключение.

– Почему?

– Я питал к нему некий пиетет, – объяснил директор, убрав часы и ключ на место. – Лав был для меня чем-то вроде памятника принцу Альберту – неумолимый и бескомпромиссный, но при этом вызывающий уважение. Я уже не говорю о его кристальной честности, проявлявшейся в самых ничтожных мелочах. Лав был одним из тех людей, которые готовы вернуть на почту простую марку, если она осталась непогашенной. Но как раз это делало его плохим заведующим. Пытаться управлять пансионом, проявляя слишком большую строгость и щепетильность, – серьезная ошибка.

– «Его узнать никто не мог и мало кто любил, – с грустью процитировал Фен, перефразируя Вордсворта. – Но он теперь в могилу слег, и стало все другим»... Как насчет личной жизни? Лав был женат?

– Да. Его жена – тихая измученная женщина, полностью растворившаяся в муже. Как говорят, живые мощи.

– Что-нибудь еще?

– Пожалуй, нет. С кем вам надо поговорить, так это с Этериджем. Он знает все и обо всех.

Фен одним глотком опустошил бокал и поставил его на

пол. Голубые шторы шевельнулись от легкого дуновения, но не развеяли духоты. Мотылек перестал бить крыльями и перебрался на внутреннюю сторону абажура, став неестественно крупным и расплывчатым за прозрачной тканью. Где-то вдалеке глухо и настойчиво лаяла собака – похоже, у Винни-Пуха было плохое настроение. Больше с улицы не слышалось ни звука. Казалось, здание окутала мягкая и плотная пелена.

Что ж, пелена сейчас пришлась бы кстати, подумал Фен. Он нащупал в кармане завалявшуюся сигарету и, убедившись, что это не одна из тех дешевых марок, какие ему порой приходилось употреблять за неимением лучшего, сунул ее в рот и закурил.

– Хорошо, – отозвался он, – я последую вашему совету и поговорю с Этериджем, кто бы он ни был. А как насчет Сомерса?

Директор медленно и осторожно, словно заторможенный разлитой в воздухе жарой, опустил в кожаное кресло, вытер рукавом лоб и широко зевнул.

– Боже мой, – пробормотал он, – как же я устал. Сомерс... Молодой парень. Учился в Мерфилде, где был старостой в пансионе Лава. Тот высоко ценил его. Вообще он всегда имел любимчиков – один из его немногих недостатков. В Мерфилде он так благоволил к Сомерсу, что многих это возмущало. – Директор снова зевнул и извинился. – Сомерс преподавал английский, – добавил он. – Умный, однако дьявольски

тщеславный. Пришел к нам из армии.

– Женат?

– Нет. Снимает... то есть снимал квартиру в Кэстривенфорде, в симпатичном домике в палладианском стиле. Кажется, его построил Николас Реветт. То, что он предпочитал жить за пределами школы, меня не удивляет. Я бы и сам, если бы у меня была возможность... Впрочем, это неважно.

– У Сомерса есть родственники? Друзья?

– Никого. Родители умерли, а сестер и братьев нет. Что касается друзей – сомневаюсь, что он здесь с кем-нибудь сошелся. Опять же, об этом лучше спросить у Этериджа. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. – Фен выпустил струйку дыма и проследил, как она растаяла в свете лампы. – В любом случае сначала надо осмотреть трупы. Надеюсь, суперинтендант не станет возражать против моего участия в этом деле?

– Вряд ли. – Директор взглянул на часы: они показывали двадцать пять минут двенадцатого. – Скоро мы это выясним.

Суперинтендант прибыл через пять минут. Он был в форме, а обычное выражение тревоги на его лице превратилось в гримасу человека, ожидающего неминуемой катастрофы. Фену показалось, будто Стэгг, как буриданов осел, не знает, с чего начать. Вместе с ним приехали врач – коротышка с красными воспаленными глазами, аккуратной бородкой и неожиданно злым лицом, – сержант, сжимавший в руках по-

тертый черный саквояж, и констебль. У подъезда остановилась «Скорая», и санитары в белых халатах начали расхаживать в призрачном свете фар, ожидая, когда понадобится их помощь.

После того как с формальностями было покончено, Стэгг обратился к Фену.

– Убийства – не совсем мой профиль, – признался он. – Разумеется, если в данном случае речь идет об убийстве. Коротко говоря, сэр, если желаете помочь мне, я с удовольствием воспользуюсь вашим ценным опытом.

Стэгг криво улыбнулся, и этот намек на веселость придал его мрачной физиономии еще более зловещий вид.

Фен пробормотал что-то в знак благодарности.

– Превосходно, – произнес директор, героически подавив зевок. – Надеюсь, вы понимаете, Стэгг, до какой степени я расстроен. Не говоря уже о моих личных чувствах, вся эта трагедия случилась в неудачное для школы время. Понятно, что совсем замолчать убийства не удастся, но тем не менее...

– Вы хотите, чтобы я действовал как можно незаметнее? – Стэгг поднял указательный палец, как бы приглашая оценить его догадливость и деликатность. – Я прекрасно понимаю ваше положение, доктор Стэнфорд, и постараюсь сделать все, что в моих силах. Если нам повезет, то газеты узнают обо всем только после актового дня. Впрочем, неизбежные слухи...

– Слухи непременно возникнут, – согласился директор. –

И нам придется с этим смириться. К счастью, заявок о приеме в нашу школу гораздо больше, чем имеется свободных мест. Когда появятся новости, произойдет небольшой отток, и кое-кто из родителей заберет детей, но я не сомневаюсь, что мы полностью укомплектуем учебные места.

Директор замолчал, очевидно, вспомнив, что сейчас не самый подходящий момент обсуждать школьные проблемы.

– По-моему, пора заняться трупами, – кровожадно заметил врач, – а то мы так до утра провозимся.

Стэгг кивнул, встал и неуверенно взглянул на Фена.

– Я думаю, сначала мы отправимся к Сомерсу, а потом заглянем в дом мистера Лава.

– Прекрасный план, – одобрил Фен. – Идемте.

После короткой заминки вся компания, теснясь в дверях, вышла в темноту.

Директор включил взятый с собой фонарик и в полном молчании повел гостей к Дому Хаббарда. В лицо им дул легкий ветерок, маня призрачной возможностью прохлады. Над головой в просветах облаков мерцали редкие звезды. Перейдя с лужайки на дорогу, они гулко застучали башмаками по асфальту, тяжело и медленно переводя дыхание, словно в теплом парном воздухе не хватало кислорода. Вскоре перед ними появилась увитая плющом стена, и они вошли в учебный блок.

В приемной горел тусклый свет. Они пересекли просторный двор, вымощенный каменной брусчаткой, и стали под-

ниматься по широкой деревянной лестнице, отполированной за последние столетия тысячами ног. Высокие проемы окон, непроницаемо-зеркальные из-за внутреннего света и наружной темноты, угрюмо отражали их безмолвную процессию, разносившую по школе громкие шаги. В здании царил мертвая тишина, точно кто-то наложил на него волшебное заклятие. Они прошли в длинный и темный коридор с голыми стенами. На тянувшихся с двух сторон дверях чернели грубые отметины от колотивших по ним ботинок, а на полу валялся выданный из тетради белый листок, густо испещренный красными чернилами и с отпечатком чьей-то подошвы в уголке. В конце коридора имелась еще одна дверь, более массивная и внушительная, чем остальные. Снизу сквозь щель струился желтый свет. Директор толкнул створку, и они шагнули в учительскую комнату.

Это был светлый и высокий зал почти квадратной формы. На стене возле двери висела обтянутая зеленым сукном доска для объявлений, почти целиком заполненная прищипленными к ней листочками. В дальнем углу комнаты стояли многоярусные шкафчики с медными дощечками, на них значились фамилии их владельцев. Из другой обстановки здесь имелись тяжелые полки из красного дерева, старый грязно-коричневый ковер со следами пепла и длинный ряд металлических крючков, на которых болтались две-три старые порыжевшие мантии. Всю середину комнаты занимал просторный стол, загроможденный множеством разных мел-

ких предметов – пепельниц, чернильниц, перьевых ручек и бумажных конвертов. К главному столу примыкали несколько столов поменьше. Вокруг них стояло три удобных стула и еще около дюжины других, менее удобных. Плотные шторы были отдернуты, окно открыто. На полу, устремив неподвижный взгляд к потолку, где вяло ползали черные мухи, лежал Майкл Сомерс.

Но вошедших больше всего поразило не это, а стоявшая в комнате духота. Прямо в центре зала работала электрическая печь, от нее расходились волны горячего воздуха. Уэллс при их появлении поспешно вскочил, вытирая мокрый от пота лоб. Он что-то сказал, но его никто не услышал. После первого шока, вызванного чудовищной жарой, все устали на тело.

Оно было распростерто на полу возле перевернутого стула. Очевидно, Сомерс сначала опрокинулся назад на стол, а потом соскользнул с него на пол, поскольку его голова лежала у ножки стола, а руки были раскинуты так, словно он пытался опереться на них. Кровь струилась на ковер по левой стороне его лица, и левый глаз превратился в черную запекшуюся дыру, в которой копошились мухи.

Присутствующие молча смотрели на эту картину, пока тошнота не заставила их отвести глаза. Директор пробормотал дрожащим голосом:

- Ради всего святого, Уэллс, зачем вы включили печь?
- Сэр, когда я нашел его, тут все так и было, – промямлил

Уэллс. – Вы же сами сказали – ничего не трогать.

Он опять вытер мокрое лицо платком. Даже лысина у него на голове лоснилась от неестественного жара, а тощее и сутулое тело, казалось, едва держалось на ногах. Шаря пятерней по полированному дереву, Уэллс нащупал спинку стула и в изнеможении сел.

Фен ослабил галстук и расстегнул воротничок. Он стоял возле окна и следил, как один из полицейских, по указанию Стэгга, фотографирует труп и комнату. Потом за дело принялся врач. Стэгг приблизился к печке и с сомнением уставился на аппарат. Поразмыслив минуту, он подошел к розетке, от которой тот работал, и вытащил вилку с помощью карандаша. Раскаленная решетка поменяла цвет с алого до оранжевого, потом до охряного и погасла. Стэгг повернулся к Фену.

– Очень необычно, сэр, когда в такой жаркий вечер включают электронагреватель, – заметил он. Помолчав, он добавил: – Я слышал, что таким способом преступники иногда согревают тело, чтобы нельзя было установить точное время смерти.

Фен обмахивался своим блокнотом, пока не сообразил, что от этих усилий ему становится только жарче.

– Верно, – кивнул он. – Но сейчас печка стоит в нескольких футах от тела. И поскольку это переносное устройство, не думаю, что кто-то использовал его для такой цели.

Он шагнул к маленькому столу, перед которым лежал Со-

мерс.

– Судя по всему, – робко предположил Стэгг, хотя сказанное им было очевидно, – он за ним работал.

Все молча уставились на стол. Посередине лежал большой блокнот с промокательной бумагой, где зеркально отпечатались несколько чернильных надписей. Можно было разобрать слова «удовлетворительно», «весьма недурно», «большой прогресс с начала семестра» и бесконечные вариации инициалов «М» и «С». На классном журнале громоздилась пачка отчетных бланков, а рядом валялась горстка конвертов, похожих на те, что скопились на большом столе. Снаружи на каждом имелась надпись с названием класса и фамилией классного руководителя, а внутри лежали новые пачки с бланками. Кроме того, на столе можно было заметить пепельницу с парой погашенных окурков, большую круглую лунку с черно-синими чернилами, открытую склянку из-под чернил, длинную и широкую полосу черной ткани с узелками на концах и перьевую ручку.

Стэгг повернулся к директору:

– Это отчеты для промежуточного экзамена?

– Да, суперинтендант. – Он последовал примеру Фена и ослабил галстук. Директор слишком устал, чтобы думать об условностях. – Все классные руководители и приходящие учителя должны были заполнить их сегодня до пяти вечера. После этого документы полагалось сдать заведующим пансионатов, а потом – мне.

– Значит, Сомерс опоздал?

– Да. Я об этом знал. – Он кивнул на полосу черной ткани. – Это, конечно, его повязка. Несколько дней назад Сомерс вывихнул запястье и не мог писать, пока руке не стало лучше. Вчера предупредил, что закончит отчеты к утру актового дня, что меня вполне устраивало. – Директор слабо улыбнулся. – Обычно я стараюсь не затягивать сроки до последнего, потому что даже учителя порой ошибаются.

– Может, кто-нибудь из коллег писал под его диктовку? – спросил Фен.

– Не исключено. Хотя вряд ли он бы стал взваливать свою работу на чужие плечи. Это трудоемкий процесс: вы не представляете, сколько времени уходит на то, чтобы написать слово «удовлетворительно» двести раз подряд. К тому же Сомерс являлся классным руководителем, и ему приходилось заполнять множество разных граф.

– Понятно. – Фен помолчал. – Заведующие пансионами сами собирают заполненные отчеты?

– Нет. Это работа Уэллса. Он разносит их по пансионам и передает тем, кому нужно.

Фен посмотрел на Уэллса.

– Похоже, часть бланков вы уже унесли, – заметил он. – Здесь их не так много.

– Вы правы, сэр, – подтвердил тот. – Все, что мистер Сомерс заполнил, я забрал в свой кабинет. Здесь остались только те, которые он заполнял сегодня вечером.

Возникла пауза, и сержант, которому не терпелось приступить к делу, спросил:

– Как насчет отпечатков пальцев, суперинтендант?

Стэгг только махнул рукой:

– Позднее. Я уверен, тут все ими заляпано. – Он постучал по столу: – Очевидно, мистер Сомерс за ним работал, когда кто-то его прервал. Он встал, резко развернулся к двери, споткнулся о стул – и тут прозвучал выстрел... – Суперинтендант замолчал, хмуро обдумывая эту сомнительную версию, пока врач не закончил свой осмотр.

– Ну, что? – спросил Стэгг.

Врач отряхнул пыль с коленей и протер глаза.

– Все, как я и ожидал, – ответил он. – Выстрел был с расстояния примерно в шесть футов, а калибр скорее всего тридцать восьмой.

– Шесть футов...

Стэгг перешел на то место, где должен был стоять предполагаемый преступник, и огляделся по сторонам, словно надеясь, что его осенит какая-нибудь идея. Но, судя по всему, этого не случилось.

– Похоже, череп у него был крепкий, – добавил врач, указав на тело, – раз пуля застряла в мозге... Смерть, разумеется, была мгновенной.

– Время смерти? – спросил Стэгг.

– От получаса до полутора часов назад.

Суперинтендант взглянул на часы.

– Сейчас без двадцати двенадцать. Значит, между десятью и одиннадцатью. Что-нибудь еще?

– Больше ничего. Его можно перенести в машину?

Стэгг покачал головой:

– Пока нет. Я обыщу его карманы, а сержант снимет отпечатки пальцев. Потом можете забирать.

Он нагнулся и стал проверять содержимое карманов Сомерса, выкладывая все найденное стол. На первый взгляд в вещах покойного не было ничего неожиданного: ключи, мелочь, бумажник с несколькими банкнотами, удостоверением личности и водительскими правами, карандаш, носовой платок, черепаховый портсигар, потерянная зажигалка.

– Господи, а это зачем? – удивился Фен.

В нагрудном кармане Сомерса лежал плотно сложенный листок девственно-белой промокательной бумаги. Стэгг осторожно взял его в руки и произнес:

– В принципе, я не вижу ничего странного в том, что люди носят с собой промокательную бумагу. Мне кажется...

Но Фен выхватил у него листок и сравнил с чистой бумагой, лежавшей в блокноте на столе.

– Тот же сорт, – заметил он, – цвет и размер. – Профессор оглядел комнату. – Здесь еще несколько таких же блокнотов, и все с чистыми листами. – Обернувшись к Уэллсу, он спросил: – Ведь это вы отвечаете за обновление бумаги в блокнотах?

– Да, сэр. Я меняю их регулярно первого числа каждого

месяца.

– Уэллс очень пунктуален в подобных вопросах, – вставил директор.

– А сегодня как раз первое июня...

Уэллс подтвердил его слова кивком: после того как в комнате выключили печь, он заметно оживился.

– Да. Я сменил бумагу после обеда, сэр.

– Возможно, Сомерсу просто понадобилось немного бумаги, – предложил свою версию директор, – и он вырвал ее из блокнота. Люди иногда делают так.

Но Фена это не удовлетворило. Он снова обратился к Уэллсу:

– Где вы держите новую бумагу?

– В шкафчике, в своем кабинете.

– А откуда она к вам поступает?

– Из школьной канцелярской лавки.

– Ученикам и учителям продают одну и ту же бумагу?

– Да, сэр.

– А когда вы ее меняете, то кладете в каждый блокнот определенное количество листов?

– Да, сэр. По три больших листа, сложенных вдвое.

– Хорошо, – кивнул Фен. – Проверьте все блокноты в этой комнате, включая тот, которым пользовался Сомерс, и посмотрите, не пропала ли в каком-нибудь из них бумага.

Уэллс, довольный тем, что для него нашлось занятие, немедленно принялся за дело. Стэгг пробормотал:

– Не совсем понимаю, к чему вы клоните, профессор Фен.

– Was ist, ist vernünftig⁵, – весело ответил тот. – Нам важна каждая деталь, суперинтендант.

Этот уклончивый ответ окончательно сбил Стэгга с толку, и он угрюмо замолчал, глядя, как сержант занимается своей работой. Прочистив пальцы жертвы бензолином, полицейский прижал их к покрытой чернилами металлической пластине. Затем перенес отпечатки пальцев на листок белой бумаги. Вскоре сержант выпрямился с красным лицом.

– Как насчет наручных часов? – спросил он. – Вам они нужны?

Стэгг усмехнулся:

– Спасибо, что напомнили. – И он наклонился, чтобы расстегнуть ремешок.

Директор, следивший за его действиями, заметил:

– Они надеты не той стороной.

Фен повернул к нему голову:

– Какой?

– Да, он всегда носил часы циферблатом внутрь, на американский манер. А теперь наоборот.

Стэгг поднес часы к уху, осторожно держа их за ремешок.

– В любом случае они не ходят, – сообщил он и взглянул на циферблат. – Стрелки показывают без пяти девять.

– Сломаны? – спросил Фен.

– Понятия не имею.

⁵ Все, что существует, имеет смысл (*нем.*).

– Можно отвинтить заднюю крышку?

Суперинтендант подошел к саквоюжу сержанта Гладстона, достал баночку с серой пудрой и с помощью кисточки из верблюжьего волоса распылил ее по внешней и внутренней поверхности часов. Подождав немного, сдул порошок и взял бумажку с отпечатками пальцев Сомерса. Некоторое время он внимательно изучал узор через карманную лупу.

– Здесь везде отпечатки пальцев Сомерса, – наконец произнес он. – Других нет, что и следовало ожидать.

Суперинтендант открыл заднюю крышку часов и осмотрел их механизм.

– Сломаны, – прокомментировал он. – Причем сломаны намеренно.

– Чтобы сбить нас с толку насчет времени смерти? – предположил директор.

– На часах без пяти девять. – Стэгг кивнул на циферблат. – Не самый лучший выбор. Кстати, и стекло нетронуто.

Уэллс закончил инспектировать блокноты с промокашкой и присоединился к остальным.

– Я видел мистера Сомерса сегодня в десять вечера, сэр, – сообщил привратник. – Он был жив и здоров.

– Вот как? – отозвался Стэгг. – Хорошо, мы это обсудим. Врач, нетерпеливо нюхавший табак в углу, поинтересовался:

– Теперь можно унести тело?

– Да, – сказал Стэгг. – Но вы никуда не уходите, Стэн-

форд, – торопливо обратился он к директору. – Надо осмотреть еще один труп.

– Я подожду на улице, – буркнул доктор.

Он со скучающим видом вышел из комнаты, и сразу появились санитары, чтобы вынести тело на носилках. Когда это было сделано, все облегченно перевели дух, и Фен не без удовольствия раздавил несколько мух, которые, лишившись своего гнусного пиршества, вяло ползали по полу.

– Как насчет блокнотов? – спросил он у Уэллса.

– Не пропало ни листочка, сэр. – Фен кивнул и хотел уточнить что-то еще, но Уэллс добавил: – А по поводу часов могу сказать вам вот что, сэр. Когда я в последний раз виделся с мистером Сомерсом, тот упомянул о том, что они не ходят.

Эта новость доставила Фену еще больше удовольствия.

– Любопытная проблемка, – промурлыкал он.

– Проблемка, сэр? – повторил Стэгг.

– Посудите сами, суперинтендант. Вы говорите, что кто-то намеренно сломал часы. Допустим, этот кто-то был сам Сомерс, но... он не стал бы надевать часы обратной стороной!

– Однако мы предполагаем, сэр, – возразил Стэгг, – что часы сломал преступник.

– Неужели? Тогда почему Сомерс сказал Уэллсу, что его часы не ходят, задолго до убийства? Кроме того, преступнику не было никакого смысла ломать часы. Он мог перевести стрелки. Но для этого ему не пришлось бы снимать их с руки.

Это противоречивые сведения, и объяснить их можно только... – Фен замолчал, и в его глазах что-то блеснуло; но когда он заговорил снова, голос звучал как обычно: – Я думаю, наш главный свидетель – Уэллс. Мы должны выслушать все, что ему известно об этом деле.

– Тогда нам, может, лучше присесть? – предложил директор. – Эта жара...

Все охотно последовали его предложению. Стэгг жестом пригласил присоединиться к ним сержанта и констебля.

– Мы слушаем вас, Уэллс, – кивнул он.

Уэллс, немного смущенный общим вниманием, откашлялся и с шумом прочистил нос.

– Я не совсем понимаю, сэр, что именно вы хотите от меня услышать?

– Все, – заявил Стэгг.

Уэллс робко улыбнулся, теребя свой носовой платок.

– Короче, дело было так, – начал он. – Каждый вечер я прихожу сюда и работаю в своей комнате с десяти до одиннадцати.

– Где находится ваша комната?

– Сразу за восточной дверью, сэр.

– Эта дверь, в которую мы вошли, – объяснил директор. – Кстати, когда Уэллс говорит «каждый вечер», он действительно имеет в виду каждый вечер. В школе многие посмеиваются над его педантизмом.

– Это единственный способ держать все под контролем,

сэр, – заявил Уэллс с самодовольством, которое заставило профессора поморщиться. – Так вот, в одиннадцать я обычно закрываю окна, запираю дверь и иду домой. В этот вечер я пришел без четверти десять, чтобы почистить пепельницы и заменить бумагу в блокнотах. Мистер Этеридж находился еще здесь и заканчивал писать отчеты. Мы с ним немного поговорили, и примерно без пяти десять появился мистер Сомерс.

– Он выглядел как обычно?

– Я не заметил ничего особенного.

– Сомерс пришел один?

– Да, сэр. Мистер Этеридж принялся подшучивать над ним, мол, он слишком затянул свою работу над отчетами, а потом они подсчитали, сколько ему еще надо сделать, и мистер Сомерс сказал, что он успеет все закончить до одиннадцати часов.

– Один вопрос, – вмешался Фен. – Почему он просто не отнес бланки к себе и не заполнил их дома?

– Выносить их из этой комнаты строго запрещено, – объяснил директор. – Тридцать пять учителей должны менее чем за неделю заполнить множество отчетов, и если каждый начнет уносить их к себе домой, воцарится хаос.

– Ясно. Продолжайте, Уэллс.

– Тут мне мистер Сомерс и сказал: «У меня сломались часы, Уэллс, так что сообщите, когда будет одиннадцать, но раньше этого не беспокойте». А потом он сел за работу, пря-

МО ЗА ЭТИМ ВОТ СТОЛОМ.

– Стол стоял так же, как сейчас? – спросил Стэгг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.